

АЛЬ
ДЖАЛИ

ГЕМОРРОЙ, или ДВУЧЛЕН НЬЮТОНА

Ковчег (ИД Городец)

Аль Джали

Геморрой, или Двучлен Ньютона

ИД «Городец»

2019

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Джали А.

Геморрой, или Двучлен Ньютона / А. Джали — ИД «Городец»,
2019 — (Ковчег (ИД Городец))

ISBN 978-5-907085-29-9

«Мир таков, каким его вколачивают в сознание людей. А делаем это мы – пиарщики». Автор этого утверждения – пофигист Мика – живет, стараясь не обременять себя излишними нормами морали, потому что: «Никого не интересует добро в чистом виде! А если оно кого и интересует, то только в виде чистой прибыли». Казалось бы, Мика – типичный антигерой своего времени, но, наравне с цинизмом, в нем столько обаяния, что он тянет на «героя своего времени». Так кто же он – этот парень, способный сам создавать героев и антигероев в реальности, давно ставшей виртуальной?

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907085-29-9

© Джали А., 2019
© ИД «Городец», 2019

Содержание

Обрезание	5
Пираньи пиара	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Аль Джали (Мартиросян) Геморрой, или Двучлен Ньютона

Все – фигня, но кое-что – офигенно!

*Столько лет столько разных людей прилагали столько усилий,
чтобы он рос и мужал, выкручивая при этом мои нервы, высасывая
из меня соки и исторгая мою кровь, пока наконец, перейдя границы
мыслимых размеров, он не принудил меня к ответным мерам.*

Оружием в этой битве, как у джедаев, служил луч лазера.

Обрезание

К своему геморрою я никогда не испытывал зла. Более того, именно благодаря ему я понял, почему коронная фраза американцев – «Береги свою задницу», а не, к примеру, «яйца». До какого-то времени я считал, что все мои беды от чертова желудка, поэтому, когда во время очередного похода к врачу обнаружилось, что у меня язва, только пожал плечами, мол, чего было ждать от этого внутреннего врага, от этой пятой колонны. Впрочем, оказалось, что у меня язва двенадцатиперстной кишки с обескураживающе поэтическим названием – целующаяся. Как человек креативный я оценил это и потому отнесся к ней с нежностью. Я позволил своему врачу экспериментировать и не задавал ему лишних вопросов по поводу его шаманств. В результате мы с моими лесбийскими язвочками – а именно так я их и представлял – расстались без ножа.

С геморроем мои отношения складывались иначе. Обнаружил я его где-то лет в шестнадцать, из-за неожиданно появившегося зуда и дискомфорта. Как раз в этот период я потерял девственность и почему-то решил, что два этих события – зуд в заднице и обретение мужественности – связаны между собой. В смысле, я решил, что подцепил какую-то гадость от своей партнерши «не первой свежести». Конечно, я поступил как последний дурак – вместо того, чтобы пойти к врачу или спросить у парней, отправился к «этой сучке». Сперва она решила, что я зашел как клиент, потом долго ничего не могла понять, потому что, как мальчик из интеллигентной семьи, я выражался эвфемизмами. Когда до нее наконец дошло, она с минуту лупилась на меня, потом зашла в ржачке. Мою интеллигентность как рукой сняло. Отборным русским матом я сказал все, что думаю о ней. Она, довольно хмыкнув, буркнула:

– Умеешь же, когда хочешь. Валяй, снимай штаны.

– Пошла ты, – заорал я, – с чего ты взяла, что я хочу?!

– С чего ты взял, что я даю бесплатно?! – нагло ответила она. – Давай обнажай задницу, посмотрим, что там у тебя.

С горя я так и сделал. На той самой постели, где неделю назад мы кувыркались, она обследовала мой зад, потом, хлопнув по ягодице, сказала:

– Порядок! Геморрой.

Я был в шоке и оттого глупо брякнул:

– Врешь!

– Ну, – пожала она плечами, – на тебя не угодишь. Ладно, давай выметайся!

Но я все еще был в шоке и оскорблен до глубины души – вместо нормального триппера я подцепил потешный геморрой. Поэтому поступил в лучших мужских традициях – как скотина. Завалил ее на постель и отымел от души. Бесплатно!

* * *

Геморрой круто изменил мою жизнь. Я влез в инет и прочел все, что только нашел о нем. Радостного было мало, а обнадеживало разве что: на задницу бывают приключения похуже моих. Из негатива было то, что, как всегда при чтении симптомов любой болезни и ее причин, кажется, что все это есть и у тебя. Только одну можно было исключить однозначно – тяжелые роды. Возрадовавшись, что хоть эта напасть меня миновала, я с помощью зеркал внимательно исследовал свою нечаянную радость. Ничего устрашающего. Ну, прыщ и прыщ. Разумеется, я не внял совету, вычитанному в инете, – обратиться к врачу. Меня переполняло счастье – я не подцепил ничего венерического! Кстати, с тех пор я всегда соблюдал правила сексуальной гигиены. Я мог забыть купить зубную пасту, но резинки были всегда распаханы по углам и карманам. Вот так всегда в жизни и бывает – фантомный страх оказался сильнее, чем реальный. Вместо того чтобы заняться реальным геморроем, я воздвиг бастионы на пути возможной венерической заразы.

Оскорбленный геморрой, наверное, решил отомстить. Но я тогда об этом не догадывался. Я думал, что в человеке только один орган живет абсолютно суверенной жизнью – пенис: хочет и может только тогда, когда лично ему вздумается. Это потом я понял, как много у них общего.

Ну, в общем, к врачу я не обратился, ни с кем ни о чем не посоветовался, просто купил свечи и мази. Немного попользовал, а потом забыл. Не до того было – экзамены на носу и с мамой что-то творилось. Мать у меня еще тот фрукт. Четыре языка, три диплома, столько же официальных мужей, не считая промежуточных. В общем, типичный образец PR воспитания, ну, типа, бери от жизни все, ты лучше всех, будь секси и прочая муть. Папаша ее – мой Дед – вообще был хиппи. Так что, когда он пытался ее воспитывать, она совала ему в нос его прошлое. Понятно, что я рос без отца, а моя мать – без матери. Было забавно, когда Дед в пылу спора орал, что пацан даже не знает, кто его отец, на что мать отвечала, что тоже не знает, кто ее

мать. Как это Дед умудрился все так обставить, я до сих пор не понял, но факт остается фактом – кем была моя бабка, было неизвестно ни мне, ни моей маме.

Тогда я и начал читать. Ну, во-первых, чтобы не слушать их ор, во-вторых, чтобы самому понять то, о чем мне не говорили. Я ложился на диван, цеплял наушники, ставил на тощий живот ляп-топ и углублялся в инет. Хвала Создателю за него – он заменил мне все и всех. Инет – это мир, который не мстит и не наказывает за ошибки. Наверное, это и есть рай.

В общем, я решил стать пиарщиком. Маме и Дед чуть не лопнули со смеху, но я был достойный их выкормыш, даром, что ли, столько лет слушал их диспуты. Словесную перепалку я выиграл. Дед, кстати, у меня академик-химик. Конченный хиппи и неначавшийся террорист, как говорит маме. Короче, свое отбытие в Израиль с очередным мужем она объяснила тем, что не может смириться с моим выбором. Это было шито такими белыми нитками, что мы с Дедом даже не стали выступать. В общем, испортили ей прощальную гастроль. В аэропорту маме разрыдалась и заявила, что всех нас заберет позже. Дед не выдержал и сказал, что не стоит нарушать едва установившийся баланс. Мать гордо отчалила. А мы зажили беспросветно счастливо, почти как в инете – никакого ора и выяснения отношений. Два мужика, сплавивших свою... Ну, ладно, не буду переходить границ.

* * *

Шеф был еще та сволочь! Наши отношения не наладились сразу и навсегда. Я это понял, когда она – ну да, шеф был бабой – в пылу спора заорала: «Вот геморрой на мою голову!» Я выпятил нижнюю губу. Этой привычкой я обзавелся сознательно, чтобы нервировать оппонентов. Я выпятил нижнюю губу и сказал: «Вообще-то геморрой бывает на заднице. Так что разберитесь... где у вас что». И вышел, даже не хлопнув дверью. Эту дуру бесило, что я блатной. А то другие были другими! Просто их привела она или ее знакомые, а меня сосватал Дедов приятель сын, которому нельзя было отказать. Кошмар для дуры заключался в том, что я был не идиот и – о ужас! – даже талантлив. Нет чтобы радоваться, что кот в мешке не осел, так нет, она бесилась от этого.

В общем, я отправился домой и стал разглядывать свою задницу. За этим занятием меня и застукал Дед, который, как оказалось, был не на работе, как ему полагалось, а приперся уж не помню зачем. Ну, в общем, картина получилась та еще! С минуту стояла тишина: Дед как в гипнозе смотрел на мой оголенный зад, а я из-под промеж ног – на Деда, отражавшегося в зеркале. Потом он вышел. Молча! Вот что значит выдержка человека, прошедшего через все!

Я натянул штаны, пошел помыть руки и отправился к себе в комнату. Сперва мне было любопытно, как развернутся события, потом я подумал, что так мерзко повела бы себя маме и, из духа противоречия, сменил тактику. Взял коньяк, бокалы и постучал к Деду. Последнее я сделал из вредности, типа, стучать надо перед тем, как зайти. Так как его дверь была открыта, то не понять мой намек было невозможно. Дед сидел перед компом и гонял шары. Отдых интеллектуала. Я разлил коньяк и спросил:

– Ну и что ты подумал?

– А что, есть версии? – ответил он, не глядя на меня.

– Выкладывай свою. – Я был непримирим, мне надо было на ком-то сорвать свою злость на шефа. Дед сам подставился. Но он был не лох и оставался верен своему принципу «докурить сигарету». Ну, в смысле не принимать решений сгоряча, выкурить сигарету, типа тайм-аут для остывания и размышления. Смех, да и только – кроме марихуаны в юности он ничего не курил. Но красивые формулировки любил. Чертов старый латентный пиарщик. Это я так со зла подумал, потому что понял, что мне становится его жаль, а расслабляться было нельзя.

– Ну? – спросил я.

– Отвали! – неожиданно ответил он. – Я ни в чем тебя не виню. Мы с твоей матерью сделали все, чтобы ты стал уродом.

– Так... – сказал я. – Так ты меня считаешь уродом?

– Нет, до недавнего времени благодарил Бога, что он хранит тебя.

Неожиданно по Дедовой щеке скатилась слеза, и я не выдержал. Обнял его и почувствовал, как затряслись его плечи.

– Ну ты что, Дед! – заорал я. – Совсем захимичился?! Геморрой это, понимаешь?! Проклятый геморрой, я его разглядывал, чтобы...

Дед напрягся, потом оттолкнул меня и сказал:

– Снимай штаны!

Черт, совсем как та шлюшка в юности. Ну, в общем, все было как тогда. Деда я, правда, не трахнул в эпилоге – ему и так досталось в преамбуле.

Окончив осмотр, Дед влил в себя коньяк и выдохнул: «Сукин сын!» «Ну не умеют люди обращаться со словами и их смыслом», – проснулся во мне пиарщик. Сперва сволочь шеф, теперь вот Дед. Ему я, конечно, не напомнил, чья дочь сука, сын которой я есть. Дед – классный мужик, и я его чертовски люблю. В общем, мы надрались, в смысле, напились и пошли по бабам.

Тогда я не обратил внимания на фразу, сорвавшуюся с его губ во время «техосмотра»: «Черт! Как писька младенца!» Но, как оказалось, она просочилась в мое подсознание и странным образом переориентировала меня.

* * *

Как я уже говорил, в шестнадцать лет, узнав о своем геморрое, я решил познакомиться с ним поближе. Стал читать о нем, вздрагивал, когда при мне произносили это слово, и, вообще, пытался понять, почему одно упоминание о нем вызывает смех? Никто не смеется над раком, язвой, СПИДом, гриппом, ангиной. Почему геморрой – это так смешно? Только потому, что он на заднице? А чего смешного в ней? У женщин, кстати, по каким-то опросам, мужская задница считается более сексуальным символом, чем член. Может, и врут. Но ведь не смеются. В смысле эротики. А в смысле геморроя... Постепенно я проникся к нему симпатией. Когда Дед сказал, что мой похож на письку младенца, я потом много экспериментировал. Ну, в смысле, как мой отросток реагирует на секс-образы. Оказалось все наоборот – не я заводил геморрой, а он меня. С каждой новой телкой я, без ее ведома, играл в свою игру. Словом, когда, лаская, она почти подходила к геморрою, я сжимал ягодицы, и мой член как по команде вздыбился. Я проделывал обратное с каждой новой женщиной, чтобы понять, как там у нее. Если она резко или коварно отводила меня от запретной зоны, я понимал, что у нее геморрой. Конечно, никто из них не признавался в этом и на мое «Почему нет? У тебя что, геморрой?» несли ахинею типа оральный секс – это... Мура, в общем. Только одна девчонка сразу отреагировала на мое «Почему нет?» очень четко: «Потому что геморрой». Я настолько не ждал такого, что после секундной паузы заржал. Она даже не обиделась.

– Чего ржешь-то? Сволочи вы, мужики. Одно зло от вас.

– Не понял.

– А что понимать? Знаешь, у скольких женщин геморрой после родов появляется.

– Так у тебя ребенок? – удивился я.

– Нет. Но ведь когда-нибудь будет.

– Ясно. А геморроем заранее обзавелась, чтоб, значит, не обидно было заработать как все... из-за сволочи. Ну вы, бабы, даете! Слушай, покажи, а.

– Зачем? Ты что, хирург или извращенец?

– Не, просто, если любишь человека, любишь его целиком, – приторно изрек я.

– Надо же! – хмыкнула она. – Я думала, мы просто трахаемся... Ладно, покажу, если придумаешь ему слоган.

Черт! Вот ведь какая девчонка. В общем, я перевернул ее на живот и раздвинул ягодицы.

– Если ты способен любить свой геморрой, значит, способен любить вообще, – сказал я, думая, что брякнул первое, что пришло на ум.

Но она была еще та штучка. Перекатившись на спину, она выгнулась и промурлыкала:

– А теперь свой показывай!

Я вылупил глаза, а она хмыкнула:

– Ладно, не надо быть психологом, чтобы понять – такой эстет, как ты, уродством просто так не интересуется. Так что уговор дороже секса. Давай показывай.

Ну, я и показал.

– Н-да, – присвистнула она, – микрочлен. Ну, малыш, эт прям бином Ньютона.

– Чиво?

– Бином – это двучлен. Не помнишь что ли, из математики?

– Точно! Здорово! Отличный слоган. За мной должок.

– Вот и не откладывай, – проворковала она и навалилась сверху.

* * *

Выборы – самое жирное время для пиарщиков. Это их час икс, когда всеобщее презрение к их пустопорожней деятельности обретает высокий смысл. Точнее – дорогой. В нашей сфере, как и в любой другой, гении – редкость. Что не мешает остальным микромэнам считать себя таковыми, но просто непонятыми. И то верно, как тебя может понять «тупая скотина» (а это массовое явление среди избираемых), априори считающая, что народ – быдло, противники – козлы, пиарщики – сволочи, даром пожирающие его деньги. Большинство из нанимателей, вместо того чтобы слушать нас, заставляют нас слушать себя. Говнюк, которого мы окучивали, предполагался на вторые-третьи роли будущего парламента, поэтому его презрение ко всем и всему было гипертрофированным. Шеф часами проводила среди нас тренинги, как не реагировать на его заскоки. Главный тезис сводился к следующему: «Пусть клиент думает, что имеет нас, когда мы реально имеем его». Но этот козел доводил даже ее. Само собой, шеф отыгрывалась на нас. Принцип волны.

В один из периодов у меня разыгрался геморрой, и я не пошел на встречу в составе «команды». Эта сука потом позвонила и орала так, что я отключил телефон. Тут-то я и придумал, как отомстить. Дело в том, что у нас не ладился слоган, отчего козел бесился, а сучка истекала желчью.

Ну, я и нашел решение... креативное. Фамилия соперника нашего козла была – Большой. Его пиарщики затрахаи электорат, выжимая из нее все, что можно, типа «большой взлет», «большие надежды» и прочую муть. В общем, я со своим приятелем состряпал ролик, кончавшийся фразой: «Выбор, приятель, всегда за тобой, но не забудь про большой геморрой».

Мультик получился что надо. Прикольный. Типа реклама нижнего мужского белья – не придерешься. Но я использовал цвета соперника, некоторые узнаваемые элементы его предвыборной кампании, да и сам персонаж чем-то неуловимо смахивал на Большого. И запустил свой шедевр в ютуб – с чужого компа, чтоб следов не нашли. На следующий день город стоял на ушах! Чернуха сработала. Инет торчком торчал. А соперник... Ну что ему было делать – не в суд же подавать, чтоб вообще кончиться. Недельные опросы показали скачок рейтинга нашего козла. А я думал, какое это все дерьмо – выбирать между двумя злами, да еще и надувать на одно из них оболочку псевдодобра.

В общем, через пару дней наш заказчик вызвал всех нас к себе и, поливая презрением, заявил, что в наших услугах больше не нуждается. Шефиня пробовала что-то вякать, но он ее и слушать не стал. Тогда я сказал:

– Напрасно вы так. Всем же ясно, что ваш рейтинг вырос из-за черного пиара, а вы нам типа велели этим не заниматься.

– Ну и? – спросил козел. – И не отрицаю. Мы же не имеем к этому отношения.

– И потом, – вклинился главный жополиз из особо приближенных нашего работодателя, – с чего вы решили, что дело в ролике, а не в реальном отношении электората к нашему уважаемому...

Но я не дал ему кончить свой лизок и грубо перебил:

– Еще как имеем. Этот ролик склепал и запустил я.

Ну и фейсы были у присутствующих! Шефиня даже рот ладошкой прикрыла. У кандидата, наоборот, челюсть отвисла. И только настырный жополиз не унимался:

– Вы понимаете, что сделали?!

– Рейтинг поднял, – пожал я плечами.

– Да вы просто хотите присвоить себе чужие лавры, – не унимался тот.

Тогда я выложил все неопровержимые технические доказательства и сказал, чтоб их компьютерщики попробовали опровергнуть. Наконец вмешался наш козел, попытавшийся отмазаться от нас. Ну, ясно, пока мы собачились, он просчитал, что до конца кампании три дня, рейтинг его вряд ли переломить, связываться с чернухой не стоит, да и платить не придется. Но не на тех напал! Мы, пиарщики, – хуже акул пера, мы пираньи чужих мани (круто сказал!). Если попался нам на зубок, пиши пропало. Словом, шефиня убрала ладошку с губ и алчно усмехнулась:

– Значит, так: чек на стол и кенсл. А то за три дня...

– Вы не имели права без нашего ведома, – начал начальник штаба. Но мадам перебила:

– А вы в суд подайте.

– Зачем?! – гнусно усмехнулся тот. – Мы с вами потом...

Неправильное это слово – «потом», недопустимое в нашем деле. Словом, шефиня взвинтила «выходное пособие». Мы уже были у дверей, когда кандидат изрек:

– А вас, молодой человек, попрошу остаться.

Ну, знаменитая сцена Штирлиц и Холтоф у Мюллера. Я заметил, как напряглась шефиня, но – плевать, сама виновата, нафиг всегда подчеркивала, что я не член команды.

В общем, никто не остался внакладе. Благодаря мне, кстати. Мои бывшие сослуживцы сорвали жирный куш, кандидат прошел на выборах, я получил у него прибыльную и нехлопотную работенку, электорат... Но это уже не мой геморрой.

* * *

Вляпался я как последний лох! Может, я и впрямь страдаю нарциссизмом? Он так и сказал: «Старик, ты страдаешь нарциссизмом». И гнусно усмехнулся. Имел право, ведь я покраснел как рак, пытающийся показать, что на дух не переносит пиво. Что за бред я несу?! В общем, когда кретин Степка из клана компьютерщиков застукал меня в раздевалке перед зеркалом в позе... позу описывать не буду... Случай с Дедом меня ничему не научил – я наступил на те же грабли. Откуда этот кретин взялся в бассейне?! В это время там никого не бывает. А какого хрена меня туда занесло? Ну, словом, когда я увидел в его руках трубку, у меня крыша поехала – я представил, что он выложит снимок в ютуб и... Я тупо прыгнул на Степку.

Он этого не ждал и не был готов к атаке, иначе мне не удалось бы так легко повалить его и овладеть телефоном. В смысле, завладеть. Блин, при чем тут это?!

Говорят, в минуту опасности в человеке просыпаются скрытые резервы, и он способен на немыслимые рекорды. Я доказал это! Пока Степка корчился на полу, я надел один башмак и растоптал его трубку в крошки. Степка был как самка гориллы, у которой увели самца.

– За что?! Сука! Это же суперсмартфон! – Вот этого ему не стоило говорить.

– Это подделка! – усмехнулся я. – Настоящий смарт кедой не распендрючить.

– Кедом, – автоматически исправил он. Даром что ли, филфак кончал.

– Кедой! – голосом самца орангутанга победно заключил я, напоследок еще раз прыгнув на остатки трубки.

– Тебе это даром не пройдет! – прошипел Степка. – То, что я увидел, станет достоянием общности.

– Вау! – кривлянулся я. – И не мечтай! Бездоказательно!

Я плюнул на ошметки трубки, переступил через Степкино тело и отправился в бассейн. Я был горд собой! Я плавал как довольный индюк. Я и был индюком! Глупым и самонадеянным. Ибо индюкам не дано плавать. А через два дня я получил по почте фото... да что фото, целую фотосессию с места происшествия. Там были и снимки того, как я разглядываю свой многострадальный зад, и то, как я лупцую Степку, и то, как я отделиваю проклятую трубку.

Причем последнее выглядело как стриптиз, трубки-то видно не было!

Я покрылся холодным потом, потом горячим, потом снова просмотрел фотки, потом вытащил, внимательно изучил, не понимая, какого хрена я хочу там увидеть. Хрен, впрочем, был на высоте! (Черт, опять тянет на слоган!). Тогда в раздевалке я и не заметил его боевого настроения.

Блин, о чем это я! При чем тут это?! Мало мне было проблем с геморроем, так теперь и эта хрень! Или хрен?! Словом, полный двучлен! И что мне теперь с этим делать?!

Я отправился к компьютерщикам и поманил Степку. Он с ужасом уставился на меня и нырнул под монитор. Я шагнул в их поганный отсек. Степка решил, что я намерен прилюдно его поколотить, и угрем выскользнул в коридор. Поскольку диалога не было, его собраты даже не оторвались от своих присосок. Я молча двинул по коридору, поманив Степку за собой. У себя в кабинете я сел за комп и открыл папку, куда покидал фото со сценами расправы. Свою обнаженку, разумеется, стер.

– Блин! – выдохнул Степка. – Как это ты сделал?! – В его глазах не было страха и неловкости, только охотничий азарт. – Ты же был голый! У тебя что, камера была в задку?

Я занес руку, но Степка успел отскочить. Я встал, запер дверь, снова сел и уставился на Степку. Моего фирменного взгляда – помесь гадливости и презрения с полувыпяченной губой – он не выдержал и заскулил:

– Ты чего, шантажировать меня собрался? Блин, не ожидал от тебя такого! – Он еще что-то нес, типа падения до нулевой отметки его рейтинга уважения ко мне и прочая, и прочая. Мне было плевать, я не слушал, я смотрел на него. Наконец мне стало ясно, что Степка реально не имеет к этому отношения. Но отпускать его просто так, не используя, было бы непрофессионально.

– Козел ты, – заботливо сказал я, – чего мне тебя шантажировать? Я тебя поймел как мужчина и... Но-но! – шикнул я, уловив его праведный гнев. – В смысле, отмудохал. В смысле, сломал твой смарт. И забыл. Но, похоже, был среди нас третий, ибо, как ты справедливо заметил, камера могла быть только в моей заднице. А ее там не было.

– Откуда мне знать? – мстительно вставил он. Я решил проигнорировать, он ведь был мне нужен. И я спросил его отеческим тоном:

– Степ, я хоть и голый на снимках, но и ежу понятно, кто тут сверху, а кто снизу.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он, уставившись в монитор.

– Это образное сравнение, – как мог, успокоил его я. – Я имел в виду, что при любом раскладе я выгляжу гоголем, а ты тряпкой. Так что надо понять, кто этот самый третий.

– А чего он хочет? – спросил Степка.

– Не знаю.

– Ну, так или иначе, а хочет он, наверное, от тебя, – сказал Степка, – ты же выглядишь таким... гоголем.

– Степ, напрасный стеб! – усмехнулся я, отметив, как красиво сложилась фраза. Он тоже отметил – профи, он и в дерьме профи. А мы были именно в этой субстанции, о чем я не преминул ему напомнить и завершил:

– Есть несколько вариантов. Первый: ты прав, и ему что-то нужно, именно от меня. Но не радуйся, ибо, поскольку в это дерьмо я угодил из-за тебя, то не намерен барахтаться там один. Вариант второй: начал этот тип с меня, а потом дойдет и до тебя. Так, может, стоит принять превентивные меры?

– Что ты имеешь в виду?

– Блин, затрахал! Третий раз задаешь тот же вопрос!

– Второй!

– Степ, – проигнорировал я, – ты можешь отследить, кто послал эту хрень? Ты понял, что я имею в виду?! Вот, садись за мой комп и давай!

– Зачем? – искренне удивился этот урод. Я молча стал расшнуровывать кеды. – Я имел в виду, – затараторил Степка, видимо, ненавидевший мои кеды больше, чем конкретно меня, – что тут и думать нечего. Если камера не была в твоей заднице, значит, она была в раздевалке. И, судя по ракурсу снимков, не одна.

Я так и остался в полусогнутой позе. Мне было стыдно. Мне было стыднее даже, чем при виде своих снимков ню. Впрочем, там я выглядел гоголем, а здесь – недоумком, ведь даже недоумок Степка «на раз» дедуктивно решил проблему, а я просто трясся от страха и ничего не мог придумать. Ну и кто из нас после этого Холмс, а кто Ватсон?

Впрочем, стыд стыдом, но лицо надо было сохранять, и, медленно выпрямившись, я обратился к Степе со вздохом, как к недоумку:

– Ну наконец и до тебя дошло, где были камеры. Браво, Ватсон! Теперь, когда ты растормошил свои извилины, надеюсь, оставишь мою задницу в покое и, может, подумаешь и о том, как нам достать пленку и заткнуть шантажиста?

– Зачем? – искренне удивился гаденыш. – Может, это не шантаж, а прикол?

Я понял, что Степка почему-то уверен, что эта байда имеет отношение не к нему, а ко мне, и, значит, нафиг ему париться. Он был прав. Я встал и молча открыл дверь. По лицу Степки было видно, что он не верит в искренность моего жеста. Но он решил не тянуть кота за хвост и бочком вышел из кабинета.

Я недолго думал, как ему отомстить, – надо просто послать ему те же фотки. Не с моего компа, так как бывший филолог, а ныне компьютерщик Степка сразу бы врубился, от кого месседж. Я закинул фотки на флешку, чтобы отослать их из интернет-кафе с наскоро созданного адреса, и выключил комп.

* * *

Когда я пришел в себя, то увидел Степкин фейс в смазе. Рядом расплывались еще какие-то. Я закрыл глаза и открыл их, только почувствовав «леща» на щеке. Это меня встряхнуло, и я сел. Голова гудела. Я схватился за нее и почувствовал на лбу рог. Вот только этого нароста мне и не хватало. Я глянул в зеркало в шкафу и увидел на лбу шишку неопишуемой цветовой гаммы и величиной с брелок от моих ключей. Но главное было не в этом. Главным была та гамма ощущений, которая отпечаталась на лицах моих сотрудников. Я понял, что лучший тест на проверку отношения к себе – это выражение лиц окружающих, на глазах которых ты попал в дерьмо. Ни на одном из шести лиц – три женских, три мужских – не было и тени искреннего

участия. Самое лайтное отражало незамутненный кайф от чаплиновской ситуации. У остальных... Черт, чем это я заслужил такое отношение, такое злорадство, едва прикрытое маской участия?!

Я понял, что у меня есть только одна возможность отомстить им – уйти с работы. Тогда шефом станет Игорь, а уж он так отыграется на них, что мало не покажется. Вот тогда, сравнив этого маньяка-начальника со мной, они поймут, кого потеряли в этом изуродованном шишкой лице.

Я мило улыбнулся всем – причем так искренне, что они так же искренне удивились. Они же не знали о моем плане мести.

– Всем спасибо! А вас, Штирлиц, я попрошу остаться.

Я сказал это, когда они все были у двери. Они все разом обернулись, мучительно пытаюсь понять, кого я имел в виду. Я наслаждался триумфом.

А потом сказал:

– Тот, кто открыл на меня эту долбаную дверь, украсившую меня фингалом. – И уткнулся в монитор, чтобы не видеть их злорадства, ведь одному из них предстояла экзекуция. А это всегда приятно. В любом офисе. Благородства я ни от кого не ждал и был прав. Степа, как побитый козел, вернулся в кабинет.

– Ну, – с чувством сказал я, – а ведь это пахнет криминалом. Неужели все настолько серьезно, что ты решил избавиться от меня таким вульгарным способом?

– Ну что ты, шеф! – заискивающе хныкнул Степка. – Я просто торопился... ну, блин, эти козлы и мне прислали!

– Ага! – гаденько обрадовался я, параллельно думая о том, почему винером приятнее быть сингл, а лузером – тугеза? Додумать я не успел, потому что Степка затараторил:

– Ладно, признаю, что ты был прав, и надо вместе переходить к ответным мерам. – Он не знал, что имеет дело с пираньей, мыслящей слоганами.

– То есть ты понял, что «один в поле не воин»? – участливо спросил я.

– Ну да, – проникновенно ответил он.

– Но ты не понял, что «кто опоздал, тот не успел».

– Что ты имеешь в виду?

– Степ, а ведь ты еще и идиот! Почему ты никогда сразу ничего не понимаешь? Почему все надо разжевывать?!

Я нарочно накалял атмосферу, чтобы довести его до пластилиновой стадии и вылепить то, что мне надо.

– Так вот что я имею в виду: когда я по доброте сердечной хотел тебе помочь – бескорыстно! – ты отбрыкнулся, считая, что в дерьме не ты, а я, и какого хрена тебе помогать мне вылезать оттуда. Так?

– Так, – честно признался он.

– Теперь, когда стало ясно, что в дерьме все-таки ты, ты приперся ко мне...

– Почему только я? – с остатками наглости спросил он.

Но я не дал ему использовать шанс и продолжил:

– Ты приперся ко мне, разыграв несчастный случай с ударом дверью по моему лбу.

– Но зачем мне это было надо?! – взвыл Степка.

Я мог бы сказать ему, что он патологический кретин, но это поставило бы точку и потребовало раскрутки темы по новой. Мне же надо было дожимать старую. Поэтому я продолжил:

– Ты вполне заслуживаешь соответствующих действий по отношению к себе, но я поступлю иначе. Не благородно, нет – все равно ты подобные высокие чувства не в состоянии понять. Но и не подло – иначе я был бы аутентичен тебе. Я поступлю иначе. Ты – юзер. И понимаешь только этот язык. На нем и поговорим. Так вот, высокий пилотаж этой философии заключается... в чем, как по-твоему?

– Ну... юзни все, что может юзнуться.

– Детский сад. Первый, начальный левл. Высший – это: «Юзни то, что другим не юзнуть!»

Понял?

– Да! – с чувством ответил он, и я почувствовал, что он – мой!

– Садись и слушай. Первое: надо выяснить, кто контролирует записи в том чертовом бассейне и кто конкретно был на вахте в тот конкретный день. Сделать это надо так, чтобы не спугнуть нашего... «заказчика». Сумеешь или тебе объяснить, «что я имею в виду»?

– Юзну! – кивнул Степка, включивший слово в персональный сленг. – Я им пару раз помогал, когда их хакали.

– А чего их хакали?

– Не знаю...

– Плохо. Всегда надо идти до конца, ибо кто владеет информацией, тот...

– Владеет всем, – угодливо завершил Степка, но я поморщился.

– Старо. Кто владеет информацией, тот ее и юзит. Ибо владеть – это полдела, дело – это суметь использовать ее для пользы дела. Понял? Ну, «легенда» у тебя есть: пошел слушок, что спортклубы хакят, и ты решил по старой дружбе предпринять превентивные меры. Кстати, слямзи любую информацию, особенно ту, что кажется тебе несущественной. Ибо...

– Юзни то, что другим кажется анюзли, – отрапортовал Степка.

– Молодец! – похвалил я. – Ну, на связи.

Степка вышел с видом Штирлица, получившего особо секретное задание от Юстаса. А я стал думать. Что же надо этому уроду? Не Степке, а этому... из мессенджера. Долго думать не пришлось – я получил ответ с того же липового имейл-адреса: «Надо поговорить». Я чуть было не ответил въевшимся «Что вы имеете в виду?», но взял себя в руки и отстукал: «?!» Пусть сам думает, что я имею в виду. Кажется, он не воспринял это как дерзость и даже успокоился:

«Прикол оценил. Как насчет остального?»

«Во сколько оценил и как это отразится на общей сумме?» – ответил я.

«Ты pomoжeшь мне, и мы квиты».

«Сколько?»

«Речь не о деньгах».

Я задумался. Почему-то шантаж ассоциировался у меня именно с деньгами. Другое было слишком подозрительно, и я повторил то, с чего начал: «?!» – «Давайте встретимся», – ответил он.

«Где и когда?» – написал я, но стер, посчитав, что это показывает мою нервную заинтересованность. Поэтому выстукал индифферентное: «Давайте». Его ответ поверг в шок даже такого креативщика, как я!

«В четыре, завтра, в известном вам католическом храме, в исповедальной кабинке».

Я присвистнул. Похоже, дело было настолько серьезным, что он предпринял такие меры предосторожности. Подумав, что времени думать у меня хватит, я ответил классическим «ОК» и погрузился в текучку. Мне надо было скреативить что-нибудь для социального ролика моего работодателя. Этот козел, а ныне, с моей помощью, депутат взялся опекать приюты для стариков.

Я ему пытался объяснить, что это полная депрессуха не для такого коз... жизнерадостного человека, как он, и будет выглядеть притянутой. Но он уперся: «Кто-то должен делать то, что других вгоняет в депрессуху». Из чего я понял, что они уже отработали схему, как привлечь деньги на этот «проект милосердия» и, главное, как их по максимуму отвлечь оттуда в свои карманы. А так как платили мне не за антикоррупционную деятельность, а скорее за то, как придать таковой вид откровенной коррупции, то я только кивнул, родив при этом слоган: «Скажи: «НЕТ!» – и коррупции не будет. Попробуй!» Не получается? В этом и вся беда – мало у кого получается. Я напрягся и сказал: «НЕТ!» Разумеется, не коррупции, а пытавшейся

нахлынуть творческой импотенции. Я, кстати, заметил, что ничто так не выводит из бездеятельности, как примагничивание слова «импотенция». Бездеятельность, хандра, недееспособность, депрессия – все это ерунда в сравнении с ней. Ну, сами сравните: «Неэффективная: экономика, политика, власть и т. д.» и «Импотентная: экономика, политика, власть и т. д.». Все – противник парализован, ибо в мужском мировосприятии (а наш мир пока еще формально мужской) это слово страшнее смерти. Запусти его сперва в самом незначительном контексте по отношению к человеку, потом увеличивай дозу и... «Импотентная форма управления», «импотентное управление», «импотенты в управлении», «импотенты». Классический пиар-ряд. Стоит только озвучить первое, как остальные звенья цепочки – степ бай степ – сомкнутся сами. И если даже последнее из ряда не попадет в СМИ, оно прочно прорастет в подсознании обывателя. А на что мы работаем? На подсознание. И потому... Я открыл комп и настрюкал сценарий.

«В католической исповедальне сидит старушка и со слезами на глазах говорит: “Всю свою жизнь я прожила в соответствии с божьими заповедями, но на исходе лет осталась немощной и одинокой – мой единственный сын погиб в Чечне. Пенсии на лекарства не хватает. Мне незачем и не на что жить. Скажите, падре, если я никому не нужна, почему у меня нет права свести счеты с жизнью?!” – “Потому, – отвечает добрый пастырь, – что всегда найдется добрый самаритянин”».

И дальше картинка лубочного счастья в новом доме для престарелых, где «добрый самаритянин» – сиречь, мой козел – протягивает цветы и коробку конфет давешней бабушке, уже пригоженькой и улыбающейся. На бэкграунде – аналогичные персонажи разных типажей. Крупным планом название приюта: «Добрый самаритянин». И всем все понятно. Класс! Вот что значит юзнуть даже то, что повергло тебя в шок!

Я перечитал сценарий, вычеркнул строчку про «погиб в Чечне» и заменил ее на «погиб, защищая Родину» – дабы от греха подальше соблюсти политкорректность. Убрал фразу «Пенсии на лекарства не хватает» – зачем шпынять правительство в лоб, и так все понятно, – и отправил это по почте своему козлу. Я не сомневался, что его карманный жополиз постарается нагадить мне, и даже предполагал, куда он ударит. И я был прав.

Козел позвонил к концу рабочего дня и с места в карьер принялся орать. Я отодвинул трубку от уха, потому что почти физически ощущал фонтан его слюны. Я терпеливо ждал, не произнося ни слова. Более того, я молчал, даже когда он завершил свой монолог, пестревший непечатными словами. Я дождался, когда он, выпустив пар и не услышав неизбежного, с его точки зрения, моего оправдывающегося скулежа, с неким раздраженным удивлением спросил:

– Эй, ты что, от страха совсем откинулся?

– Напротив, – ответил я, – смакую удовольствие.

– Что?! Какое на хрен удовольствие?! – заорал он и еще полминуты поливал меня дерьмом. Когда он наконец заткнулся, я сказал:

– Именно на такую реакцию я и рассчитывал. Подождите, я вас слушал, теперь послушайте вы. Хоть раз послушайте профессионала. Черт побери, этот профессионал посадил вас туда, где вы сидите!

Кажется, я тоже орал. Не видя его хари, это оказалось вполне возможным.

– Что ты имеешь в виду? – почти растерянно спросил он. Я понимал, что его вопрос относится к слову «посадил». Но у меня было тактическое и теоретическое преимущество – опыт реакции на Степкино «Что ты имеешь в виду?». И я использовал свой главный пиар-постулат – «плюсизация минусов». То есть юзнуть с пользой то, что въюзили тебе в... в минус. Посему вместо ответа на вопрос, который, по замыслу «козла», он задал мне, я, пользуясь неконкретностью самого вопроса «Что ты имеешь в виду?», наполнил его тем содержанием, которое мне было нужно. А именно – перевел разговор в плоскость конкретного сценария.

– Я имел в виду, что если даже вы – заказчик – так бурно реагируете на картинку, то какая же буря поднимется в обществе после просмотра клипа?!

– На хрена мне такая буря? Мало меня дрючат всякие недоумки, так и мои собственные – туда же.

Мне было плевать, что он считает меня недоумком, но напрасно он обозвал меня своей собственностью. Впрочем, с этим придется подождать, и потому я сказал напористо:

– Запустим ролик, подождем пика бури, со всеми воплями по поводу неpolitкорректности, и только потом дадим ответ.

– Какой? – почти человеческим голосом поинтересовался он.

– Вы внимательно читали сценарий?

– Ну? – буркнул он.

– Так вот, в описании сказано, что на бэкграунде – аналогичные персонажи разных типов. Это и есть наша фенечка – специально забэкграунднутая мной, чтобы особо ретивые не обратили на нее внимание и накинулись на нас. А мы бы потом сунули им в фейс эту картинку крупным планом: старички и старушки не только славянского, но и азиатского, кавказского и прочих типов.

– Но почему нельзя, чтобы священник был православным? – почти сдаваясь, спросил он.

– А почему нельзя, чтобы он был католиком? – ответил я. – Это не мой вопрос вам, это и есть наш ответ тем, кто задаст нам этот вопрос. Это наш удар – удар по их неpolitкорректности, мол, нельзя в такой многоконфессиональной стране, как наша, всегда ставить акцент на титульной конфессии.

– На хрена нам это? – вздохнул козел.

– Послушайте, – вздохнул я в ответ, – вы же сами сказали, что вам нужна шумиха вокруг вашей благотворительности. Как, по-вашему, елейный, добрый ролик вызвал бы ее? Нет! Нет и еще раз нет! Никого не интересует добро в чистом виде! Если кого оно и интересует, то только в виде чистой прибыли. И не только в денежном эквиваленте! Это так, и никуда от этого не деться. Самое ценное в бочке пиар-меда – это...

– Ложка пиар-дегтя, – сказал он, и я не успел придержать сорвавшееся с языка: «Молодец!»

– Ну-ну, – хрюкнул он, – не перегибай... пиар-палку, а то она тоже о двух концах.

Я довольно хрюкнул в ответ и, дожидая, пока он отключится, бросил трубку.

Я сделал два вывода. Первое: не такой уж он и козел. Даже креативит помаленьку. Второе – я ведь вывел печальный слоган нашего времени: «Добро интересует людей не в чистом виде, а в виде чистой прибыли».

Чтобы избавиться от вселенской грусти, я представил, какой разнос сейчас учинится моему врагу-жополизу, и на душе потеплело. Впрочем, предаваться сенсорике времени не было, и я позвонил Степке, назначив ему встречу у себя дома в 12 ночи – для конспирации. Надо было продумать всю завтрашнюю операцию до мелочей.

* * *

Я был в таком шоке, что вместо того, чтобы думать об услышанном, думал о том, каким же влиянием обладает мой псевдоисповедник, если ему разрешили играть эту роль. Конечно, это могли быть просто деньги, но тогда – немалые. Был еще один вариант – священник был не псевдо-, а настоящий. Но думать так, даже мне – цинику и грешнику, – было невозможно. Наверное, исход нашего диалога решило именно это неистребимое любопытство – знать всю правду и только правду, чтобы максимально ее извратить. Это профессиональное качество юристов и пиарщиков высшей категории, к которым без ложной скромности я себя и относил. И потому, выдержав небольшую паузу, я спросил:

– А если я не приму ваше предложение?

– Тогда ваши снимки появятся в сети, – ответил он.

– Ну что ж, пиар еще никому не мешал, – спокойно резюмировал я, – даже черный.

То ли он мне не поверил, то ли был сражен наповал. Во всяком случае, ответа я не услышал. Так ему и надо, шантажировать пиарщика пиаром – это ж какая некомпетентность! Из уважения к Деду, до сих пор утверждающему, что лежачего не бьют, я просто слегка напоследок пнул моего «тет-а-тетчика»:

– Я бы просил вас отпустить мне грехи, но, похоже, Господь не поймет нас. – С этими словами и вышел. Я даже не мог поинтересоваться в стиле Остапа Бендера: «Почем опиум для народа?» Пипл, пришедший на смену народу, хавал такой опиум, что Бендеру и не снилось.

После всего, что я услышал в исповедальне, мне необходимо было очиститься, и я направил своего мустанга к милому дому, где обитала милая дева, всегда готовая за милую цену снять любой напряг.

– Слушай, Милка, – спросил я, когда, вволю откамасутив, мы лежали на полу и пускали дым строго параллельно. Пол был из кедровых досок – Милка считала, что это придает особенный кайф сексу. Думаю, не всем удавалось пройти этот секс-контроль, после которого на разных частях тела оставались царапины, ссадины и даже занозы. Сегодня эти секс-вериги были для меня в самый раз, это было некое самобичевание в сноб-стиле. Кажется, я понял Милкину философию и подумал, что она может дать мне дельный совет.

– Как ты относишься к однополым бракам?

– Милый, – промурлыкала она, – это неактуальный вопрос. Сегодня актуальный: «Как ты относишься к разнополым бракам?» А еще актуальней: «А на хрен брак вообще?!» Но, как подсказывает твой озабоченный лук, интерес твой не праздный? В чем подвох?

И я рассказал.

Милка стояла в позе Евы у эдемского древа с надкусанным яблоком в руках. С середины моего рассказа она забыла о нем.

– Милка, – вздохнул я, – ты похожа на Еву, которая, дав Адаму надкусить яблоко, задумалась – а стоит ли?!

– Да?! – вышла она из оцепенения. – В нашем случае как раз наоборот. Слушай, а почему они выбрали логотипом надкусанное яблоко? Это так неэстетично.

– Кто?! – спросил я как дурак, а когда понял, что речь идет об Apple, Милка выбросила яблоко и повернулась ко мне:

– А почему ты отказался?

Этого я совсем не ожидал и едва не ляпнул Степкино: «В каком смысле?» Слава богу, ей и не нужен был мой ответ: как большинство женщин, Милка задавала вопрос исключительно для того, чтобы выдвинуть свою версию ответа, что она и сделала:

– Мика, столько всего можно узнать!

– Зачем? – удивился я. – Мы с тобой не менты и не журналисты. И даже не шантажисты. Это меня шантажируют.

– Тем более, – подвела она итог, – у тебя будет контроружие.

– Бред! – пожал я плечами. – Не буду я лезть в эту грязь.

– Это же твоя естественная среда обитания, пиарщик!

– Дура ты, Милка, – вздохнул я, – а ведь я подумывал жениться на тебе.

– Не смей! С моими-то беспорядочными сексуальными связями?!

– Ты бы перестала, а Деду я бы наплел что-нибудь.

– Кому?

– Деду. Я с ним живу.

– Ну ты и мастодонт! С Дедом! Он что, квартиру тебе завещает?

– Он уже завещал.

– Тогда...

– Ладно, Мил, забудь.

– Как это я забуду?! Ты куда?! Я теперь тоже могу тебя шантажировать, идиот!

– Зачем? – прервал я свой путь к двери.

– А на хрен ты мне все это сболтнул? Я что, случайный попутчик в вагоне? Так ты отродясь поездом не ездил.

– А кому мне было рассказать? – брякнул я. – Степке, что ли?

– Так бы и сказал, – умиротворилась Милка, – а то: замуж! Ладно, давай думать, хотя я уже придумала.

Как всегда, мой расчет был безукоризненным – таким женщинам, как Милка, не в кайф просто так помогать ни слабым мужчинам, ни даже сильным. Они должны на чем-то подловить, чтобы прижать к ногтю, а потом снизить. Я предоставил ей всю гамму сполна. Оставалось не выдать своего торжества, чтобы не омрачить ее заслуженного. Но и переигрывать не стоило, поэтому, изобразив, будто я опять на коне, я принялся излагать какую-то версию действий. Она честно выслушала и, естественно, подпустила шпильку:

– Это и есть максимум креатива, на который ты способен? Какая у тебя зарплата?

Я озвучил в два раза меньшую. Иначе ее бы жаба заела. Но и эта сумма ее огорчила:

– Одно утешает, что это деньги не налогоплательщиков, а такого козла, как твой работодатель, – хмыкнула Милка. В подтексте читалось, что я тоже козел, получающий больше, чем стою, равно как и то, что не могу выбить большего, раз уж все дурью маемся.

Мне было плевать – и на ее мнение, и на ее советы, и на ее психологизмы, и на все прочее. У меня был свой план действий, в котором ее роль заключалась в физическом присутствии и подыгрывании мне, причем выглядеть это должно было так, будто она ведущий, а я ведомый. Как говаривал небезызвестный персонаж небезызвестного фильма: «Тщеславие – мой любимый грех». Если ты умеешь играть на тщеславии, игра состоится. Ибо тщеславие, пожалуй, единственный грех, который можно закамуфлировать под добродетель.

Итак, физическое тело Милки, равно как и интеллект, были в моем распоряжении. Оставалась самая малость, и тут позвонил Степка. Он захлебывался, как щенок. Я ничего не понял, думая о том, что он всего на пару лет моложе меня, а инфантилен, как мой очень младший брат, которого у меня, слава богу, нет. И дело не в том, что я его непосредственный начальник, а...

– Зачем тебе этот геморрой? – услышал я собственную реакцию на его излияния, подумав, что дело, наверное, в том, что Степка абсолютно здоров – и физически, и психологически. У него не было геморроя – в прямом смысле этого слова, который мог бы заставить его страдать и сострадать, то есть породить ту нездоровую психику, которая способна стимулировать творчество. – Ладно, – прервал я поток его излияний. – Давай встретимся у меня и обговорим.

Я распростился с Милкой, сохраняя на лице мину иронической благодарности, и ретировался.

Дома я предупредил Деда, что опять придет Степка, но закармливать его не стоит – креатив требует пустого желудка. Дед хмыкнул, мол, знаю, о чем вы будете креативить. Но он улыбался – после той знаменательной беседы он уже не подозревал меня в педризме, а ко всему остальному он, видимо, был толерантен. Наверное, и к этому был толерантен, если оно как-то не касалось его.

«Позор – страшнее греха», – как-то сказал он мне в детстве. Кстати, именно эта сентенция во многом способствовала моему отношению к геморрою, ведь я считал его позором для настоящего мужчины. Уж не знаю почему.

Степка меня сразил – он принес Деду табак. Хороший. Дед посмотрел на меня укоризненно, мол, из-за меня он не приготовился должным образом к приходу парня. Меня умиляла способность Деда любить ближних, холить их и лелеять. По представлениям окружающей среды, любой нормальный академик должен быть не от мира сего, как минимум, путать баш-

маки, забывая застегнуть ширинку и так далее. Может, так оно и есть. Просто у «нормальных» академиков не было таких дочерей, как моя madre. Слава богу, что эта кукушка, пролетая над гнездом, скинула туда всего одно яйцо, из которого я и вылупился. И Деду пришлось стать мне матерью. Хотя мог бы стать отцом. Но, любитель парадоксов, он, видимо, считал, что раз из него не получилось отца для дочки, то для внука он должен попробовать себя в роли матери. Думаю, ему это удалось.

В общем, Деда я любил и не мог позволить ему страдать, поэтому сказал Степке: «Дед хотел попотчевать тебя заливной рыбой собственного приготовления, но я подумал, пусть лучше допишет монографию, а рыбу мы закажем на дом».

– Супер! – просиял Степка, жрущий все и в любое время, причем не полнеющий. Видать, растущий организм. Дед тоже был доволен. Он ушел сделать заказ, и я наконец закрыл дверь, оставшись фейсом к фейсу со Степкой.

* * *

Когда в душе я увидел, как у ног расплзается кровавое пятно, почему-то вспомнил «Последнего магната».

Или это был «Вечер в Византии»? Черт! О чем я думаю! Надо срочно к врачу. Я позвонил знакомому хирургу и тот устроил мне через час консультацию у лучшего проктолога. Черт! Мало того, что пришлось лезть на гинекологическое кресло, так рядом с проктологом возникла какая-то молодуха. Они вдвоем устали на мою задницу, и проктолог аж присвистнул:

– Ну и геморроище! Что ж вы так запустили. Резать пора. Давно созрел.

– А иначе никак? – жалко проблеял я.

– Иначе уже поздно. Давайте-ка в понедельник и приходите. И ничего страшного. Никакого вам скальпеля. Лазером чиркнем и через три дня отпустим. – Уговорил, словом.

* * *

На операцию меня провожал Дед, который не поленился сделать массу звонков, чтобы у меня все было по высшему разряду. Блудную мать мы решили не обременять.

Короче, положили меня на операционный, точнее, гинекологический стол. Анестезиолог вкатил в позвоночник укол и радостно сообщил, что я теперь ниже талии ничего не буду чувствовать, потому что благодаря звонку Деда он сделал свое дело от души. Я вяло поинтересовался, а бывает ли иначе? На что он сообщил, что давеча так оно и было – позвонил его друг и попросил за тещу. Хорошо попросил.

– Видите ли, – усмехнулся он, – анестезия бывает двух видов. Первая, когда ничего не чувствуешь и не можешь двигаться. Вторая, когда все чувствуешь, но двигаться не можешь.

– Ясно, – усмехнулся я, – теща пошла по второму разряду.

– Гады вы, мужики, – услышал я беззлобное заявление.

Надо же, а я и не заметил, что давешняя молодуха тоже здесь. Она, между тем, лихо закинула мои ватные ноги на подлокотники гинекологического кресла, накрыла их чем-то и примостилась рядом с проктологом. Ног я действительно не чувствовал. Хотел почувствовать остальное, но руки мои были в захватах – одна с капельницей, вторая с тонометром. Я решил не думать о плохом и попытался придумать социальный ролик. Но не тут-то было! Оба врача, ковырявшихся в моей заднице, затеяли обсуждение какого-то служебного романа. Присутствующие в операционной не замедлили подключиться. Если бы иногда не звучали медицинские термины, я бы решил, что они обо мне забыли. Потом запахло горелой плотью, и я понял, что всепроникающий луч лазера лишает меня одной составной бинома. Мысленно я поблагодарил их обоих: лазер – за то, что он пришел на смену скальпелю, геморрой – за то, что он сдал свою

смену. Наконец главный сказал традиционное «Кушать подано», в смысле, «Спасибо всем». И меня покатали в палату.

* * *

Ночью позвонила madre. Я подумал, что Дед проговорился, но оказалось, она звонит просто так. И то ли я расслабился, то ли анестезия еще действовала, но на вопрос madre «Как твои дела?» ответил как дурак:

- Ма, я стал иудеем.
- В каком смысле? – ахнула она.
- Обрезание сделал.

Я услышал ее удивленный возглас и вырубил телефон. Ничего, пусть попарится, пусть найдет решение. Я закрыл глаза.

* * *

– Шалом, – сказал я, увидев madre.
– Пуся! – всхлипнула она, кинувшись ко мне. Скривившись от ненавистного детского прозвища, я дал ей облобызать себя. На бэкграунде маячил Дед, отвечая на мой молчаливый упрек в стиле «И ты, Брут?!» скорбным взглядом типа: «А что я мог поделать?!»

– Здорово выглядишь, – сказал я madre. Очевидно, она восприняла это как осуждение – ну, в смысле, «мне так плохо, а ты хорошеешь» – и тут же кинулась в атаку:

– Разве ты когда-нибудь в чем-нибудь слушался меня? Сколько раз я говорила тебе: «Пуся, не доводи до крайностей!»

Я только хотел выпятить нижнюю губу, но решил, что есть способ получше. Изобразил на лице дикую боль и попросил родных вытряхнуться по причине моей большой нужды. Отмел напрочь всякие там «мы подождем в коридоре, пока ты...», и как только за madre закрылась дверь, испустил из своей задницы громкий и победный звук. Думаю, щепетильную madre как ветром снесло. На роль сестры милосердия она, конечно, не тянула. Тем не менее утром, ну, в смысле, к часу, она опять заявила и не нашла ничего лучше, как пристать ко мне с вопросом:

– А почему ты решил сделать обрезание? Только не говори, что по зову крови.

Вот женщина, а!

Как я понимаю ее мужей!

– Madre, – простонал я, – тебе полагается здоровьем моим интересоваться, а не...

– А я что делаю?! – возмутилась она. – Если ты сделал обрезание, значит, у тебя и с урологией проблемы.

Ну и как с ней спорить, если она все всегда перевернет в свою пользу.

– Я пошутил, – сказал я, – я имел в виду, что обрезал геморрой.

Тут она зависла как комп устаревшей модели, а потом ее понесло:

– Как ты мог?! Как ты мог шутить этим? Я уже всем рассказала, а ты... Ты не шутил, ты решил поиздеваться надо мной. Ты...

Я нажал красную кнопку, и madre вывели под белые рученьки. Я не сердился, ведь я своего добился – довел ее. Конечно, я ее любил, и она меня тоже. Просто мы любили друг друга как-то очень по-своему. Но ведь с годами приходит мудрость. Даром, что ли, я придумал слоган: «Если ты способен любить свой геморрой, значит, способен любить в принципе».

* * *

Ну вот, самое время задаться вопросом: какого фига я все это написал? А фиг его знает! Просто валялся в постели, делать было нечего, в заднице свербило – в обоих смыслах – вот и потянулся за верным ляп-топом. Вообще-то, если быть до конца честным, я хотел написать оду геморрою и человеческой глупости. Вот ведь, кажется, совсем ненужная вещь – отросток на задку. Все над ним издеваются, обладатели его стыдятся признаться в своем обладании и гнусно примазываются к хихикающим над этим. Ну, типа, со мной все в порядке. А ведь если посмотреть шире и глубже, в самую темную бездну, ну, как проктологи, то сколько полезного можно узреть. Вся моя жизненная философия изменилась с того дня, как я узнал, чем втайне владею. Да-да, у меня появилась тайна. И я не стыдился ее, а сделал косвенной соучастницей моей сексуальной жизни. А сколько креативных мыслей породил мой геморрой! В конце концов, даже продвижением по службе я обязан ему Воистину, главное не болезнь, а отношение к ней.

И все-таки я расстался со своим переростком без сожалений. В конце концов, все кончается, и главное – кончить вовремя! (Черт, тянет на слоган.)

Единственное, о чем я жалею, так это о том, что перестал быть двучленом. Ну так никто же об этом не знает!

* * *

В больнице я пролежал на неделю больше необходимого. Обставил это так, будто мне снесло крышу из-за той молодухи, ну, стажера анестезиолога. Кстати, она была замужем, и мы, с моей подачи, разыгрывали сериал «Любовь под бомбами». Ну, типа, я был ранен в бою и, попав в госпиталь, влюбился в медсестру. Характер моего «ранения» позволял разыгрывать то трагедию, то комедию. Я знал, что персонал открыл тотализатор. Разумеется, не на «случится или нет» и даже не на «когда случится». Ставки были на позу – опять же, из-за моего «ранения». Мы оба это знали и взвинчивали публику, измышляя ситуации, доводя их до немыслимого, а потом выкручивали на нуль. Ставки росли. Но всем невдомек было, что истинной причиной затеянного мной сериала было нежелание выходить в здоровый мир, где властвовали нездоровые страсти. А главной оставался шантаж. Я все еще не придумал, как мне выкрутиться. В сущности, последним подарком моего геморроя было то, что, угодив в больницу, я избавился от шантажиста. Я не сомневался, что он осведомлен о моей операции и вряд ли выполнит свою угрозу, ведь я был ему нужен. Но рано или поздно мое пребывание в больнице должно было закончиться. Это не мог быть «праздник, который всегда с тобой» (тьфу-тьфу!). Посему я постоянно думал о том, как выкрутиться из этой гадкой истории. И однажды ночью я нашел решение!

Аська, моя здешняя «любовь», принесла мне в пробирке кусочек плоти, некогда бывший моим «двучленом». Я почти всплакнул, глядя на этот комочек, от капризов которого когда-то зависело мое здоровье и настроение.

– Держи, извращенец, – сказала Аська, ставя пробирку на стол, – ты первый в истории пациент, пожелавший взять геморрой на память!

– Если бы ты знала, скольким я обязан ему, – вздохнул я, – то не удивлялась бы.

Она хмыкнула и удалилась, оставив меня наедине с моей мертвой частицей. «Ну, друг, – обратился я к нему, – мы когда-то славно проводили время. Беда в том, что ты решил окончательно меня поработить. А я этого не люблю. Но зла на тебя не держу. В доказательство тому ты будешь вечно покоиться на самом видном месте, где бы я ни жил!»

Завершив панегирик, я лег и вскоре уснул. А когда проснулся, идея уже распирала меня. Я позвонил Степке и попросил прийти. Кстати, из внешнего мира он единственный, кто знал о

моей операции. Дед проговорился, правда, взял страшную клятву молчания. В общем, я позвал Степку и изложил свой план. Он пришел в ужас, но я был не просто красноречив, но суров. Словом, я поведал ему о просьбе шантажиста. Дело в том, что этот тип просил ни много ни мало, как развернуть пиар-кампанию по освещению ста однополых браков в столице.

– Ну и что? – искренне удивился Степка. – Не ты, так другой, а бабла небось обещали немерено.

– Степка, – вкрадчиво спросил я, – ты бы женился на мне?

На его лице отразилось такое омерзение, что я почувствовал себя оскорбленным.

– Вот видишь! Так чего ты от меня требуешь?!

– Ну ты даешь! – возмутился Степка. – Он же не требовал выйти за него замуж. Человек тебе работу предлагал. Это твой бизнес. Если бы адвокаты защищали только тех, чьи принципы не расходятся с их собственными, то...

– Я не адвокат, – перебил я, – да и из тебя хреновый адвокат дьявола. Ты что, хочешь переспорить меня – профи?! Или у тебя вообще принципов нет?

– Да я тачку присмотрел, – вздохнул Степка, – бабло не помешало б.

– А при чем тут ты? – искренне удивился я. – Работу предлагают мне и бабло мне обещают. А я от всего отказываюсь, да еще задницу твою спасаю.

– Ну, раз так, то... а может, чего другое придумаешь? – подхалимски хрюкнул он. – Ты же гений.

– Вот поверь, мой план и есть гениальный. Сам подумай, ну соглашусь я на его условия, ну даст он мне денег, так ведь на этом шантаж не кончится. Где гарантия, что он пленочку с нашими задницами не скопирует? И что? Всю жизнь трястись от страха? Нет, старик, надо обнулить счет. И не дрейфь, ты же тоже... ну, хоть и не гений, но ведь ас в своем деле.

Еще полчаса я уламывал его, и в конце концов он даже загорелся: «Юзнем юзера!» С этими словами напарник покинул палату, а я подумал, что все, кто со мной общается, рано или поздно чему-то у меня учатся. Наверное, во мне дрыхнет пед... Тьфу ты! Учитель, хотел я сказать.

* * *

Через пару дней инет наводнили жуткие фото разных знаменитостей в самых непристойных ракурсах. Среди них были и наши (Степка, сволочь, свой фейс так смазал, что и не узнать). Причем сделано было так грубо, что и ежу было ясно – фотошопил псих. Для заматания следов Степка придумал систему по заматанию следов. Почти гениальная схема, как у бизнесменов, когда деньги проходят через столько липовых компаний, что отследить их нереально. Каким-то образом он отправил это свое творчество через несколько адресов с программой на самоуничтожение. А для пущей страховки первую отправку сделал из Питера, хотя выглядела она третьей. В общем, я родил слоган: «Все гениальное рождается из страха».

Через день после интернет-вакханалии прозвонился мой шантажист.

– Bravo! – сказал он. – Вы действительно профи. А что, вы так ненавидите геев? Это ведь нетолерантно и несовременно. Свобода выбора – разве это не лучшее достижение цивилизации?

– Пожалуй, – согласился я.

– Тогда в чем дело? – удивился он.

– В том, что мне вы не оставили этой свободы. Возможно, сделай вы просто заказ, я бы, не обременяя себя размышлениями, согласился. К тому же я чту Библию, особенно в той части, где про «не судите, да не судимы будете». И потом, мир катится в тартарары, и кто я, чтобы мешать этому. Видите, сколько было «за», сделай вы мне бизнес-предложение. Но вы

все испортили. Похоже, вы из тех, кто считает, будто законы и люди для того, чтобы манипулировать ими. Кстати, вы не адвокат?

– Кстати, да, – ответил он и отключился.

Я очень надеялся, что он никогда уже мне не позвонит.

Вечером я пригласил Степку в его любимый клуб, где тусовались снобы. Меня узнавали. В наше время ничто так не способствует пиару, как голый зад. Кажется, я, наконец понял, почему америкосы так пекутся о заднице.

Пираньи пиара

Почему я все-таки стал пиарщиком, хотя рос нормальным мальчиком (насколько это было возможно в нашей безумной пародии на семью). Даже окончил какой-то технический вуз. Правда, по «предсмертной» просьбе Деда, заявившего, что он сделает себе передозу, если у меня не будет приличного диплома, соответствующего приличному мужчине. В восприятии Деда это могли быть только точные науки. Само собой, плевать мне было на приличный диплом и Дедову заяву про передозу – на это бы он не пошел. Не в этом дело, я подкупил его фразой: «Ради того, чтобы выглядеть в твоих глазах приличным мужчиной, я и не на такие жертвы готов». Реально же жертвой стал Дед, которому пришлось по благу выбивать мне приличные оценки, а периодически даже добиваться того, чтоб меня не отчислили. Так что, когда я торжественно вручил ему диплом, он, а не я, вздохнул с облегчением. К этому времени я совсем забыл о своей тинейджерской мечте о пиаре. Но мечта не забыла меня! Пока я по паре месяцев кантовался то на одной, то на другой работе, она – мечта – исподволь кралась мне навстречу. Воистину, бойся не мечтать, а того, что мечта может сбыться.

Случилось это благодаря странному стечению обстоятельств. Моим очередным шефом оказалась опять б... пардон, женщина. У меня вообще такое чувство, что эти б..., пардон, женщины, тихой сапой оккупировали все кресла. Это какой-то крестовый поход б...абенцев. Только мы – мужики – построили общество, в котором можно жить в свое удовольствие, то есть расслабиться, как... расслабились. Идиоты! А эти, не будь дурами (хотя тысячелетия именно ими они и были), тут же начали просачиваться. Сперва по квотам, потом в квоты попали уже мы.

Ну а как иначе?! Кто ж не знает их хватку?! Захомуруют и...

Ладно, что об общеизвестном! Лучше о своем, наболевшем, своя-то болячка больше чешется. Ну вот, очередная б... Кстати, «б» – это не то, что предполагается, это, всего-навсего, бабы. Ненормативную лексику я не употребляю, но двусмысленность или двузначие еще со времен «бинома Ньютона» доставляли мне удовольствие. И, как оказалось, напрасно!

Словом, я понял, что знаменитую пословицу «От тюрьмы и от сумы не зарекайся» правильно было бы продолжить: «От тюрьмы, сумы и любви не зарекайся». Причем последняя напасть самая креативная. Почти по Толстому, у которого все счастливые счастливы одинаково, а несчастные – кто во что горазд.

Думал я об этом из-за Катки. Я долго к ней подъезжал и так и эдак, но все было в облом. При этом был полный филлинг того, что я ей нравлюсь. В общем, я ее споил и уже был готов завалить, как она, нетрезво помахав пальчиком перед моим носом, спросила: «А ты не гей?»

– Дура! – сказал я. – Какого хрена тогда я тебя дотащил до койки?!

– Логично! – сказала она, уставившись на койку Плюхнулась на нее и вырубилась.

Честно говоря, хорошо и сделала: у меня после ее вопроса сделался упадок – в худшем смысле этого понятия. День, точнее, ночь была похерена. А ведь Дед уехал на весь уик-энд, и я думал оторваться по полной. Но дело было не только в этом. Меня изводили сомнения из-за ее вопроса. Почему она спросила? Неужели...

Словом, промучился я до утра, а когда она, взлохмаченная, выползла на кухню и заявила: «Здорово оторвались!» – я чуть не прибил ее:

– Ты хоть что-нибудь помнишь?!

– Ну-у! – блаженно протянула она. – Ты был великолепен!

Я чуть не задохнулся:

– Ты... ты... То, что бабы оргазм симулируют, это еще понятно. Но вот так! Ты хоть помнишь, что было?!

– А что было? – насторожилась она.

– А ничего! – заорал я.

– Не переживай, – фыркнула она, – с кем не бывает.

А я-то думал, что пик женской логики – это моя madre. Но Катька ее переплюнула. Так все перевернуть! Пока я думал, как бы ее прибить, чтобы следов не осталось, она спросила:

– А... а с какого бодуна ты мне говоришь об этом? Я ж ничего не помню. Мог бы ходить гоголем.

– Вообще-то это ты с бодуна, а я трезв как стеклышко. Точнее, как цейсовское стекло, изготовленное для микроскопа, в который...

– Стоп, – перебила Катька, – что-то тут не так. Колись.

– Сама колись! – заорал я. – Какого хрена ты меня педиком обозвала и вырубилась? А потом пойдешь трепаться, что я – имп, хотя сама...

– Стоп! – повторила она. Выхлебала стакан воды и попросила все изложить по порядку. Так и сказала. А что было излагать? Но я изложил. И доложил. От себя. В смысле, что я об этом думаю. В смысле, о ней. Она хмыкнула:

– Не бери в голову. У меня это пунктик. Понимаешь, недавно со мной такое приключилось! Один тип все домагивался меня и домагивался. А я как раз была в шоке из-за предыдущего, с которым разбежалась. Наконец, когда он почти домагнулся, вдруг разоткровенничался, типа того, что я была его последней надеждой на исцеление от предыдущей любви. Это был такой шок, что я как дура спросила: «От кого?» Ну, он замялся, типа, ты знаешь. Я, как дурра в квадрате, стала перечислять общих знакомых. Когда огласила весь женский список целиком, а он все бессмысленно мотал башкой, я, уже как дуррра в кубе, брякнула: «Ты что, гей?»

– Ну и? – не выдержал я.

– Не «ну и», а – «ну да!» – вздохнула она. – Представляешь?! Я зависла. Нет, ты представляешь, я зависла! Меня еще никто в виде таблетки не употреблял!

– Да ладно, все б... женщины тащатся от этого – спасти ведь не помиловать. Вот это – ни-ни! Ну и что ты сделала?

– Приперлась домой, села на крышку унитаза и сказала: «Воистину, Господи, пути твои неисповедимы!»

– Ну, оттуда Бог тебя точно услышал. Теперь ты геефоб?

– Так ты все-таки гей?

Что за сволочная манера отвечать вопросом на вопрос! Пришлось молча доказывать обратное.

– Бисек, – промурлыкала Катька, – а ты ничего! Считай, что экспертизу прошел. В рекомендации от меня можешь не сомневаться.

Она отправилась в ванную, а я подумал, что частица «би» никак не хочет меня отпускать.

Я вспомнил историю с Катькой потому, что стоял на пороге очередной великой любви и очень не хотел опять попасть впросак. Меня ведь и тогда предупреждали, что у Катьки вместо крыльев копыта, но любовь и козла козленочком сделает. Если бы Катька в нашу единственную ночь не огорошила меня, то я точно превратился бы в юное парнокопытное.

Кстати, несмотря на все Катькины ухищрения, я отношения не продолжил. Она пригрозила, что растрезвонит о том, что я бисек, но после школы шантажа, которую я недавно прошел, мне все было нипочем. Так что я только хмыкнул в ответ: «Я всегда в тренде!» Катька увяла и отвяла. Это я так думал. Я был в заблуде, в смысле, заблуждался.

Как оказалось, жизнь если и учит чему, то чему-то не тому. Я убедился в этом, когда понял, кто развалил мой роман.

Ну, в общем, после института я работал в какой-то фирме. Тогда все называлось или фирмами, или объектами. Работал, разумеется, не по профессии (черт, какая же у меня профессия-то?), а по блату. Дед пристроил. Эти бывшие хиппи тусуются как масоны. Все знают, что они есть, но где они есть – никто не знает.

Словом, значился я менеджером не помню уж чего, а на самом деле, видимо, в силу возраста и внешности, был мальчиком «сгоняй за кофе». Когда я признался Деду в этом в ответ на его бесконечные вопросы о том, чем я занимаюсь, он возмутился. Заявил, что порвет своего кореша (Степка, что ли, его сленгу научил?). Позвонил тому и таки порвал! Такого перемата я отродясь не слышал, даже не все понял. Наверное, половина терминов относилась к периоду Дедовой юности, проказы которой не переплюнуты до сих пор, но значение многих терминов утеряно. После этого меня перемещали по трем фирмам, пока не пристроили в очередную с наказом: «Здесь задержишься. Резюме у тебя уже солидное, так что дерзай!»

Так я стал пиарщиком в молодой фирме, у которой и названия еще не было. Рулила всем Алиса, которую, естественно, называли Элис. Я ее боялся, а она меня не переваривала, как, впрочем, остальные семь сотрудников. Ясное дело, они были сертифицированные, а я – «хенд мейд». Я делал все, чтоб меня выперли, но Элис, видимо поняв это, изменила тактику – перестала обращать на меня внимание. Разумеется, и остальные семь сотрудников. С горя я стал шныркать по инету, чтобы разобраться в этой хрени, в смысле, пиаре, о котором я сильно изменил свое мнение, уверовав, что это дерьмо. Оказалось, очень даже забавное занятие, и платят хорошо, если сделаешь имя. То есть с этого и надо начинать – сделать себе пиар, чтобы делать его другим.

Короче, сидел я себе, как всегда, на собраниях (явка обязательна) и шарил по инету. И тут произошел тот случай, который и называют судьбоносным. Видимо, не выдержав наскока Элис о бесталанности сотрудников, Эрик возьми да и ляпни:

– Чуть что, так Косой! У нас, между прочим, есть менеджер по пиару. Пусть хоть раз рот откроет!

Все уставились на меня. Я открыл рот. Подержал сколько мог, потом закрыл и вернулся в инет. Сперва приснула Катька, потом пошел такой ржач, что пришлось идти за кофе. Принес, раздал всем и спросил:

– Какую тему базарите?

– Не юродствуй, – ответила Элис, – все знают, что ты мальчик из приличной семьи. Закрой рот! (Это он у меня от удивления открылся, когда я про приличную семью услышал.) Можешь придумать название для нашей фирмы?

– А чем мы занимаемся? – спросил я.

Все замолчали, видимо, сочли это за хамство, но я правда не особо заморачивался нашим профилем. Нафиг, если я не собирался задерживаться. Когда все замолчали, я малость струхнул, думал, обидел их. Элис, надо отдать ей должное, допила кофе и сказала:

– Мы занимаемся пиаром. Точнее, сможем, если раскрутимся. Ну, есть идеи?

– Да, – кивнул я, – «Пирания пиара». Проще – «ПиПи».

В меня полетели предметы офисной атрибутики. Я припустил к дверям, но Элис крикнула: «Брейк!» – и велела мне вернуться.

– А ведь здорово! – сказала она.

– Особенно «пипи», – нахмурился Эрик, – представляешь, сколько будут над нами издеваться?!

– Вот и проверим себя, – резюмировала Элис и обратилась ко мне: – Может, и слоган придумаешь?

– Из мухи сделаем слона, а из слона – муху, – выдал я.

– Перебор, – сказал Эрик, – зоопарк какой-то.

– Верно, – согласилась Элис, – за тобой слоган. Эрик, сделай из мальчика человека.

Так началась моя дружба с Эриком и любовь к Элис. Тогда я не знал, что в мире пиара, самом иллюзорном из миров, чувства – тоже иллюзия.

* * *

Кстати, раскрутились мы именно благодаря «пипи». Сразу после первого удачно реализованного заказа тиснули пакостную статейку про себя, якобы от лица конкурентов. Нам подфартило в том, что фирма, которую мы раскручивали, принадлежала олигарху Пимену Пименову, хотя и была оформлена черт знает на кого. Все знали, что он страдает из-за своего имени, но изображает, что гордится этим старинным русским (!) именем. Во время презентации, где присутствовал и Пимен (разумеется, в качестве гостя, а не хозяина), я протиснулся к нему и завел светский треп. Он явно был удивлен, но подумал, что абы кто к нему не проскочит, посему милостиво снизошел. Я построил свой спич так, чтобы произнести заготовку: «Меня восхищает ваша благотворительность, адресованная детям. Впрочем, чему удивляться, если в переводе с греческого ваше имя означает «наставник». Ближний круг замер. Еще бы, до сих пор никто не рисковал сказать ему, что «русское» имя вообще-то греческое. А я сказал и был таков. На всякий случай кубарем скатился с лестницы, вырубил сотку и завалился на всю ночь в клуб. Благо завтра на работу идти не было надобности – суббота! Но, как говорится, «человек предполагает, а Бог располагает». Не хотелось, конечно, думать, что два архаровца, возникшие у нас спозаранку, были от него, скорее, вмешались другие силы. Так или иначе, меня умыли, сунули в джинсы, затолкали в машину и повезли. Одно радовало – Дед был на даче, а то бы он им всыпал по первое число.

Меня довезли до офиса, вынули из машины и предъявили Пимену. Видимо, он с трудом идентифицировал вялый овощ со вчерашним гламурным хлыщом. Я был молод, считал, что терять мне нечего, потому вздохнул:

– Сударь, не соблаговолите ли позволить опуститься до вашего уровня? – Пимен побагровел, и я поспешно разъяснил: – В смысле, сесть, а то голова раскалывается.

– Садись, – разрешил хозяин и кивком отпустил архаровцев.

– В общем, так, – рубанул Пимен, – ты законченный лузер. Нигде больше года не работал, нигде ничего путного не сделал, попытался на новом месте и попал как кур в ощи́п. Все от тебя открестились, с работы тебя поперли. Вот такая картинка!

Я смахнул несуществующую слезу и жалостливо проблеял:

– А вам зачем такой недотепа?

– А мне уже и не нужен, – хмыкнул Пимен – Меня хоть и считают акулой, но шанс я всегда даю. Один! Я сделал тебе предложение, но ты не сумел его правильно принять. Ты не недотепа, ты лузер и потому заслуживаешь наказания.

– Так лузер и так судьбой пожизненно наказан, чего уж вам время на меня тратить?

– А я и не буду. Я тебе сделаю второе предложение: или ты идешь ко мне на работу на мизерную зарплату, или я подаю в суд на вашу фирму «Пираньи пиара».

– При чем тут они? – вылупил я.

– Слабый ответ, – покачал он головой, – ты ведь не хочешь, чтобы Элис затаскали по судам? Ты ведь неровно к ней дышишь.

Это он напрасно сказал – ненавижу, когда меня загоняют в угол, особенно на личном. Я посчитал до одного, скривил фейс в самой своей циничной ухмылке и сказал:

– А ведь это и был мой гениальный план – доказать, что пираньи способны сожрать акулу. Что ж, пусть пробуют без меня. Так что, с вашего позволения, теперь я сделаю вам предложение: я поступаю к вам в рабство – без зарплаты. На год. А на пираний подавайте в суд!

Только ради того, чтобы увидеть, как у него отвисла челюсть, стоило сморозить эту чушь. И еще ради того, чтобы увидеть, как в его глазах появилось что-то вроде уважения, которое он быстро стер. Похоже, я его сделал!

– По рукам! – сказал он. – И не думай, что я тоже буду играть в благородство и накину тебе зарплату.

– А с чего вы взяли, что я играл в благородство? Зарплата... Фигня! Вот когда через год вы будете предлагать любые деньги, только чтобы я остался, вот тогда поймете!

Я встал. Меня трясло. И вовсе не из-за этого прохиндея. О моих чувствах к Элис знал только Эрик, и если теперь в курсе даже Пимен, то... Ладно, месть оставим на десерт.

– С понедельника выходи, – буркнул Пимен. Видимо, он понял, что со мной что-то не то, и, хотя не мог догадаться о причине, вычислил, что переигрывать не стоит.

В понедельник я вышел на работу, а юристы Пимена начали тяжбу с «пираньями». Я умело рулил процессом в СМИ, примерно раз в месяц подогревая ажитож. Вначале «пираньи» держались. Потом по одному звонили мне и пытались воззвать к моим чувствам – разным. Я отвечал односложно:

– У вас есть тринадцать сребреников, откупайтесь.

Катьке я сказал другое:

– Даже трахнуть тебя неохота!

– А Элис? – спросила она. Я дал отбой. Элис не звонила. Только поэтому я решил их пощадить. Хотя нет, я подумал, что даже акула Пимен дает один шанс, неужели я акулей него?!

Кстати, Пимен был очень доволен мной. Я работал от души, и благодаря конкретно мне несколько его дохлых предприятий и затей раскрутились так, что меня стали сманивать конкуренты. Наверное, Пимен когда-то не сдержался и где-то ляпнул о моем «предложении, от которого он не мог отказаться». Так что меня знали. Но я не продавался. Принципиально ходил в суперзатрапезном виде – мол, живу как могу (я и впрямь был на иждивении Деда). Пимен выписал мне новогодний бонус. Я отказался. Пимен вызвал меня и сказал, что я осел. Я ответил, что он не прав, я не осел, а лузер. Пимен уткнулся в бумагу. К концу срока моего рабства я выкинул фортель. Дал интервью крутому мужскому журналу. Кстати, многие меня помогали, но я считал, что время не пришло. Теперь оно пришло!

* * *

В общем, я не сделал никаких сверхъестественных открытий – просто на очень конкретных примерах доказал две истины, опровергающие то, что якобы Интернет, СМИ, всевозможные свободы сделали мир более открытым. На самом деле избыток информации минимизировал возможность ее достоверности. Это во-первых. А во-вторых, виртуальный мир все-таки стал реальностью.

Это мы – пиарщики, имиджмейкеры, политтехнологи – малюем черные квадраты, а пиплу остается, разинув рот, хавать их и причмокивать: «Гениально!» И пусть тот, кто скажет: «А король-то голый!» – первым бросит в меня камень! Мир отнюдь не таков, какой он есть. Мир такой, каким его насаждают в сознание.

– «Пираньи пиара», – вещал я, – выиграли пари – они продержались, хотя их чморили целый год. И пусть кто-то скажет, что, «сделав себя», они не «сделают» других! – Я сделал паузу, и обескураженный ас интервью попал в нее, как все тот же кур в ощиц.

– Не понял, – встрял он. Еще бы, он же не прошел школу моей мадре и не знал золотого правила выхода из угла. Потому топал в привычном направлении. – Вы что, с «пираньями»? Они же потопили вас!

– С чего вы взяли? – хмыкнул я. – За это время я раскрутил три благотворительных фонда, провел два аукциона и вытащил из дерьма две фирмы.

– Так это все принадлежит...

– Коллега! – прервал его я. – Еще одно слово, точнее, имя, и вас затаскают по судам.

Он сглотнул, открыл рот, закрыл его и только после этого я сказал:

– Ну, вот и славненько.

Я все сделал правильно – время подошло к финишу. Даже если бы его осенила гениальная мысль, было поздно – начало новостей могло сдвинуть разве что начало войны. А она давно началась. Просто без сакраментального «Иду на вы!». Да и то, скорее всего, придуманного нашими предками-пиарщиками.

* * *

– Сукин сын! – сказал Пимен.

– Свободный сукин сын, – внес я коррективу.

– Ты не просто лузер, ты влюбленный лузер, а это уже полное би!

Я сглотнул слюну, и он, довольный, продолжил:

– Буду честен, не знаю, чем тебя эта частичка так достает. Я все про нее прочитал во всех науках. Ничего тебе не подходит. Ты даже не бисек, обыкновенный натурал, но я тебе покажу!

– За что? – искренне удивился я. – Ну, посмеются немного, да и забудут. Зато какой успех был у вчерашнего спектакля вашего фонда! Билеты брали за двойную цену. Нормальный пиар. А если забыть про скромность, так просто прекрасный. Право, я заслуживаю благодарности.

– И ты ее получишь! – злобно прошипел он. Дверь распахнулась, и два архаровца внесли аквариум, в котором плескались гадкие рыбешки. Я дернулся и заорал, совсем как в первый раз.

– Снимите туфли, – буркнул Пимен. Я сделал рывок к двери, но меня схватили две пары стальных рук. Я извивался как червь. Вошел третий громила. Я сконцентрировал все силы, чтобы не обмочиться. Громила прошел мимо меня, присел и снял с Пимена обувь. Я ничего не понимал. Я был загнан в угол и не мог применить правило антимадре. Я завис!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.